

ДОСТОЕВСКИЙ И В. Г. РАСПУТИН (Опыт размышлений о проблеме «Спасения»)

В. Г. Распутин — один из типичных русских писателей современной России, которые наследовали традицию почвенничества, выдвинутого Ф. М. Достоевским еще в 60-е гг. прошлого столетия.

Во время лекции в Японии в 1986 г. Распутин касался и своего отношения к Достоевскому. «Я перечитывал много раз Достоевского, и я очень люблю его. Он для меня самое близкое существо по чувству и писатель, который нравственно оказывал на меня самое огромное влияние». Очевидно, что Распутин испытывает сильное влияние Достоевского, но еще нет сравнительного исследования на эту тему.

Профессор университета Киото Т. Кимура считает, что «Распутин привержен мировоззрению анимизма, самого примитивного религиозного мировоззрения», и утверждает, что «в этом отношении он отличается в сущности от других писателей, которые обращаются к русскому православию и тяготеют к нему». Я не отрицаю, что в творчестве Распутина существуют элементы анимизма, но не могу согласиться с мнением, что он *привержен* мировоззрению анимизма, поскольку это будет фактически означать, что Распутин есть писатель языческий и нерусский. А Распутин относится как раз к числу тех русских писателей, которые находятся в магнетическом поле нравственности Достоевского, его нравственные представления, а по моему мнению, и все творчество определяются прежде всего православным взглядом на человека. Поэтому я думаю, что невозможно правильно понять творчество Распутина без анализа влияния на него Достоевского. Эта статья представляет собой попытку сравнительного сопоставления произведений обоих писателей, причем я считаю, что их обоих в общем интересует и заботит больше всего вопрос спасения человечества, особенно России.

1. В ЧЕМ СОСТОИТ СПАСЕНИЕ?

Прежде всего рассмотрим подходы к проблеме «Спасения» в сочинениях священников православных церквей в России и Японии. Я обратил внимание на статью протоиерея Льва Лебедева «В чем состоит Спасение?», которая помещена в газете «Литературный Иркутск». Поскольку Распутин является одним из ведущих членов редколлегии этой газеты, то мне кажется, что эта статья должна иметь какое-то внутреннее отношение к воззрениям Распутина. Именно она побудила меня обратиться к проблеме «Спасения». В частности, автор статьи пишет: «Нехристианский „мир сей“, если только может быть допущена такая ана-

логия, есть тоже своего рода тело, тело павшего Адама, осужденного на смерть, и потому умирающее. Признаки умирания как раз в тех отрицательных тенденциях и явлениях духовной жизни и культуры „мира сего“, которых мы вкратце коснулись». «„Весь мир лежит во зле“, — пишет апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 5: 19). Это не означает, что поголовно все неверующие люди — злые или что все без исключения явления мирской жизни и культуры есть зло; это значит лишь то, что доминантой жизни мира вне Церкви, вне Христа является зло, отпадение от Бога, Истины, умирание <...>. Именно поэтому миссия Церкви Христовой в этом мире называется Спасением. В чем же состоит Спасение? В том, чтобы человек через Христа и во Христе, как в „новом Адаме“ (1 Кор. 15: 22, 45–47), в союзе чистой любви с Ним мог духовно преобразиться в „новую тварь“ (2 Кор. 5: 17) уже в условиях земной жизни, а затем наследовать Царство Небесное на „новой земле“, под „новым небом“ в „Иерусалиме новом“ (Откр. 21: 1–2), в вечности» (Лит. Иркутск. 1991. Январь).

А Ясуюки Такахаси, священник Никольского собора в Токио, относительно этой проблемы пишет в своей книге «Бог и сатана — взгляд на человека греческого православия» (Токио, 1994): «Спасение в православной церкви заключается в том, что Христос дал ученикам понять своим воскресением из гроба через 3 дня после принятия смерти на кресте, что Христова жизнь обладает силой, поправшей даже смерть, а также в том, что ученики получают в дар вечную жизнь, живя в этом мире, усвоив образ жизни, показанный Христом» (С. 71). «Православный взгляд на человека основывается на том, что Христос принес Бога в человека, и человека в Бога» (С. 70). «Достоевский один из писателей, открывших образ человека преображенного, то есть ставшего богом под влиянием Бога и вступившего в общение с Богом, которое православие считает высшей точкой спасения человека. В романе „Братья Карамазовы“ скрывается тайна христианской веры, которой нет в образе человека в католицизме или протестантизме и которую не могли бы расшифровать без понимания образа человека с точки зрения греческого православия» (С. 73).

По его мнению, начало православного понимания человека содержится в словах Ветхого Завета: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). Итак, человек сотворен по образу Бога и по подобию Богу. Но раз человек прервет общение с Богом, он потеряет себя как подобие Бога. Это не что иное, как безобразный образ человека, дух которого мертв, хотя живо его тело. «Мертвые души» Гоголя — произведение, буквально созданное на основе этой темы.

Но «даже если человек попадет в положение смерти, то есть зла, Бог, который продолжит уважать волю человека, протянет ему руку Спасения, чтобы помочь заметить первоначальный Свой образ и воскресить Свое подобие, уважая человека». Значит, Спасение состоит именно в восстановлении образа и подобия Бога, то есть в воскресении

самого себя первоначального. Священник Ясуюки Такахаси характеризует это воскресение словом «прохождение» (сугикоси). Применение этого православного концепта «прохождение» является необходимым условием, чтобы мы должным образом понимали произведения Достоевского и Распутина.

2. ВЗГЛЯД ДОСТОЕВСКОГО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ

Я обратил внимание на запись в рабочей тетради Достоевского 1864 г. под названием «Социализм и христианство», сочтя ее важным ключом к истолкованию его произведений. Поскольку и социализм, и христианство — два великих учения, которые оба стремятся к Спасению человечества, такая запись свидетельствует о том, что проблема Спасения интересует и заботит Достоевского.

Вначале он пишет: «В социализме — лучиночки, в христианстве крайнее развитие личности и собственной воли. Бог есть идея, человечества собирательного, массы, всех» (20; 191). Я хочу обратить внимание на то, что в конце этой записи Достоевский разделил человеческую историю на 3 этапа: первый этап — время Патриархальности, второй — время Цивилизации и третий — время Христианства. По мнению Достоевского, Христианство есть «будущая жизнь» (20; 194).

Это своеобразный взгляд Достоевского на историю, он является важным ключом к пониманию его произведений. Под «цивилизацией» подразумевается западная материальная цивилизация, которая основана на науке и технике, и это время «цивилизации», по мнению Достоевского, отличается «состоянием болезненным», которое обусловлено влиянием атеистического сознания. И это время «потери живой идеи о Боге» (20; 192). Это XIX век, в котором жил Достоевский, и одновременно время, которое унаследовано и нашим XX веком. Причем наша эра находится в еще более критическом положении, чем в XIX веке из-за создания ядерного оружия, появления СПИДа, ужасного разрушения окружающей среды, сооружения атомных электростанций и т.д. В тем большей мере, можно сказать, требуется «Спасение».

Экстраполируя вышеуказанный взгляд Достоевского на человеческую историю на художественный мир его произведений, можно так представить взгляд писателя на личность: 1) рай в памяти (прошлое), 2) мир «Содома» (настоящее), 3) рай (будущее). Значит, рай в памяти есть объект воспоминания с точки зрения мира «Содома», а рай мечты есть утопия, которая осуществится на основе веры в мире «Содома». Когда мы смотрим с таких позиций на человеческую историю, то имеем дело со временем, измеряемым столетиями, а когда смотрим на историю личности, то имеем дело со временем, измеряемым несколькими десятилетиями.

Современный русский писатель Распутин, который остро чувствует кризис и продолжает работать в России после распада СССР, относится так же отрицательно к «цивилизации», как и Достоевский, и склонен к той же вере, к Православию, что и Достоевский. Кстати, Распутин считает, что с «цивилизацией» появились «безнравственность» и утрата Бога и что с этим напрямую связано появление телевизора и такого большого города, как Москва (См. его очерк «Вниз по Лене–реке» // Наш современник. 1993. № 11). Значит, оба писателя считают нашу эру «цивилизации» эрой «утраты Бога».

Следуя логике и терминологии статьи протоиерея Льва Лебедева, к которой я обращался в главе 1, можно сказать, что «этот мир» «цивилизации» есть эра «жизни смерти», потому что он, этот мир, разрывает отношения с Богом. Последний, третий этап человеческого развития, по взгляду Достоевского, обозначает переход к новой эре — «жизнь жизни», в которой будет достигнута новая вечная жизнь. Это ни что иное, как преображение к «Новому Адаму».

3. ОБЩЕЕ В РОМАНАХ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И ПОВЕСТИ РАСПУТИНА «ПОЖАР» С ПОЗИЦИИ ВЗГЛЯДА ДОСТОЕВСКОГО НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ

Новую жизнь Раскольников в эпилоге романа «Преступление и наказание», то есть «историю постепенного обновления человека, историю постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой» (6; 422), можно считать процессом «прохождения» из мира «Цивилизации» в мир «Христианства».

«Прохождение» означает стремление осуществить себя по-новому посредством встречи с Богом, преодолев свое настоящее положение собственной волей (Я. Такахаси. Указ. соч. С. 117).

Что касается повести Распутин «Пожар», то ключевая мысль повести состоит в решении героя: «Спасение было одно: уехать» (Глава 13). Он увидел беспорядок вокруг себя, почувствовал «страшное разорение» в себе и в конце концов достиг познания: «ты не был собой» (Глава 11). Значит, он заметил грех снаружи, внутри, везде. Исходя из православного взгляда на человека, это значит, что Бог своими спасительными руками заставил героя заметить в себе грех и в результате этого у героя родилось духовное стремление восстановить самого себя первоначального, то есть самого себя в качестве Божьего образа и подобия. Слова Распутин: «Больше скорбь, ближе к Богу» в эссе «Нашей боли и веры» (Лит. газета. 1991. 20 сент. № 38) — свидетельствуют, что он живет в православной вере.

Что касается вопроса, куда герой собирался уехать из поселка, то он просто возвращается к своей духовной исходной точке: «Хлебушко.

Пашут, сеют, а уж после убирают. Помнишь, как в Егоровке было?» Но упомянутая здесь деревня Егоровка, погрузившаяся в воду из-за постройки дамбы, теперь не существует. Это деревня, которая существует только в памяти героя. Несмотря на это, герой уходил из поселка к несуществующей земле, чтобы вернуть самого себя первоначального. По мнению повествователя, «уехать» значит «Спасться». Это не что иное, как духовное стремление перестроить «деревню» в памяти в новом измерении, как «прохождение» из содомского поселка в новую будущую «деревню» другого мира. Об этом лучше всего свидетельствуют, мне кажется, такие строчки в эссе Распутина «Где моя деревня?» (Москва. 1995. № 2): «Деревня — не одно лишь приложение рук, но и приложение душ, духовное укрепление, вливание в историческую плоть народа, самообретение и возвращение в родной дом. В деревне нравствен сам труд, воспитывает сама природа, здесь ближе к Богу».

Поэтому я не могу не отметить в этом отношении «постепенный переход из одного мира в другой», то есть христианское «прохождение». С позиции взгляда Достоевского на человеческую (или личную) историю, это означает переход из мира «Цивилизации» в мир «Христианства».

Именно весенняя земля в последней главе «Пожара» намекает на воскресение, и эта сцена имеет что-то общее с картиной, в которой Раскольников смотрел на пейзаж того берега реки в эпилоге романа «Преступление и наказание». Это пейзаж не этого мира, а того берега будущего, который как будто возвысился над временем.

Несколько замечаний относительно конечной сцены «Пожара»:

1. Как толковать фразу: «Никакая земля не бывает безродной»? С точки зрения книги Бытия в Ветхом завете, земля, сотворенная Богом, по существу является источником человеческого тела, потому что после сотворения мира «создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Поэтому по христианскому мироощущению получается, что земля «не бывает безродной».

Вспомним конечную сцену «Каны Галилейской» в книге седьмой «Братьев Карамазовых» — «Алеша». Алеша, слушая у гроба в келье голос отца Паисия, который читает главу из Евангелия, вдруг переживает мистический опыт, увидев в видении образ воскреснувшего старца Зосимы. Алеша, полюбовавшись на небо и землю, осознал тайны сотворенного Богом мира и, обняв землю, поцеловал ее, растроганный до слез. Это и значит восстановление общения человека с Богом: «Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным“» (14; 328).

Несомненно Алеша испытал в этот момент «прохождение» из настоящего мира в будущий. Герой повести «Пожар» тоже должен испытать такое же переживание, как глубокое чувство любви Алеши к земле, потому что он, по-моему, испытывает «прохождение».

2. «Иван Петрович все шел и шел, уходя из поселка и, как казалось ему, из себя, все дальше и дальше вдавливаясь — вступая в обретенное одиночество»; «... легко, освобожденно и ровно шагало ему, будто случайно отыскал он и шаг свой и вздох». Эти строчки могут быть истолкованы как символическая картина «прохождения».

3. «Издали—далеко видел он себя: идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас за перелесок и скроется навсегда».

Как толковать «Издали—далеко видел он себя» в этом абзаце? Это, наверное, можно посчитать картиной, в которой герой смотрит на свой бывший образ, на оставшегося в «содомском мире» «старого Адама» издали, из будущего в процессе «прохождения». На первый взгляд, это пессимистическая картина, но, собственно говоря, наоборот: это оптимистическая картина, потому что тут предчувствуется чудо воскресения. Герой повести «Пожар» вышел «пребывать в миру» так же, как преображенный старцем Зосимой Алеша в романе «Братья Карамазовы». Дальше «Пожар» тоже окончен намеком на «новую историю, историю постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неизвестною действительностью» (6; 422), как написано в финале романа «Преступление и наказание».

4. ВЗГЛЯД РАСПУТИНА НА ДОСТОЕВСКОГО

Распутин высказал интересное мнение о Достоевском в беседе с А. Байбородиныным, размышляя на тему «Возвращение России».

«Достоевский — житель духовного мира, заглядывающий в материальный: Солженицын — материального, знающий духовный. Достоевский был последний писатель дореволюционной России, кто знал пути ее спасения, во весь голос говорил о них, но и предвидел, что спасением своим она не воспользуется» (Сибирь. 1991. № 1. С. 25).

Здесь прежде всего надо обратить внимание на то, что Распутин разделяет мир на две части: «духовный» и «материальный». Что значит фраза «Достоевский — житель духовного мира, заглядывающий в материальный»? Судя по взгляду Достоевского на историю человечества, это значит, что Достоевский — писатель, заглядывающий из будущего мира христианства в современный мир цивилизации, а Солженицын — писатель мира цивилизации, знающий мир христианства.

Во-вторых, что такое «пути ее (России. — Т. О.) спасения», о которых «во весь голос говорил» Достоевский? Это выясняется посредством ряда его высказываний: «соединение с народом» — «выход на настоящую дорогу» (20; 211), «спасенье в почве и народе» (20; 210), «от народа спасение Руси» (14; 285), «берегите же народ и оберегайте сердце его», «ибо сей народ — богоносец» (Там же). «Кто же уверовал в народ

Божий, тот узрит и святыню его, хотя бы и сам не верил в нее до того во-все. Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли атеистов наших» (14; 267). «Идеал красоты человеческой — русский народ. Непременно выставить эту красоту» (27; 59).

Здесь я не могу не вспомнить известные слова из романа «Идиот»: «мир спасет красота!» (8; 317). Я думаю, что эта «красота» сродни той красоте, которую носит русский народ «богоносец».

Сошлюсь также на мнение Т. Киноситы, японского русиста, который в заключении своей статьи «Понятие „красоты“ в свете идей эстетики Достоевского» определил существо этой «красоты» как «сострадание» (Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 99–100).

В личном письме я попросил Распутина, живущего в Иркутске, прокомментировать эту позицию. В ответе, процитировав строки из «Идиота»: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8; 192), — Распутин написал так: «Думаю, этими добавлениями Достоевский сам же и расшифровывает свое понятие „красоты“».

Его ответ совпадает и с мнением Т. Киноситы. Я тоже согласен с этим толкованием.

В этой связи Достоевский записал в рукописных редакциях «Идиота», что «Спасением же Н<астасьи> Ф<илипповны> и хождением за ней он (Мышкин. — Т. О.) не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви» (9; 220) и что «в романе три любви: 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин. 2) Любовь из тщеславия — Ганя. 3) Любовь христианская — Князь» (Там же).

Еще о характере Мышкина записано, что «Та (Настасья Филипповна. — Т. О.) удивляется его простоте и смирению» (9; 202).

Это «красота», которую носит в себе русский народ. И Мышкин выступает в качестве человека, который воплощает ее в себе.

Распутин высказал свое мнение в «Беседах о русском»: «в душевном движении русский стиль — сострадание, сочувствие пострадавшего, утешение себя помощью другому: в общении друг с другом искренность, артельность» (Москва. 1994. № 2. С. 113).

Распутин считает, что такой «русский стиль» был присущ русскому народу до революции (и сохранился даже после революции, например, среди стариков и старушек, которые живут в сибирских деревнях), и он в этом отношении наследует взгляд Достоевского на народ.

Там же Распутин, процитировав слова молитвы после засева пашни из повседневной жизни русских крестьян, задается вопросом, «Кто, кроме русского, способен после засева пашни творить такую молитву: Боже, устрой, и умножь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сытого, хотящего, просящего и произволяющего, благословляющего и неблагодарного».

В этой молитве содержатся «сострадание» и прощение, которые составляют именно существо красоты русского народа. Распутин дальше

цитирует такие слова Василия Розанова: «Кто любит народ русский — не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь — одно. И только у русских это — одно» (Там же. С. 115). После этой цитаты Распутин заключил свою беседу так: «Было — одно. Хотелось бы, чтобы стало — одно. Обезбоженность народа тяжело сказалась и на русской душе, и на русском сознании. После разорительной атеистической эпохи сразу включить православное мироощущение удастся далеко не всем. Иначе и быть не могло. Если бы только „включить“, как включают электрический свет, — чего проще! Дело теперь, как правило, не в желании или нежелании, а в той работе, которая требуется, чтобы очистить душу от старого непотребства и спасти от непотребства нового, истовая и бережная, как в реанимации, молитва к ней: „Восстань, душа моя!“» (Там же).

Короче говоря, для Достоевского непереносимое условие спасения России состоит в том, что каждый русский должен овладеть православным мироощущением, сохраняющимся в русском народе, то есть «стать настоящим русским» (26; 147), а для Распутина оно состоит в том, что русский народ, восстановив в себе такое православное мироощущение, должен «быть самим собой» (Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 145), то есть идентифицироваться русской нации.

В-третьих, что значит фраза Распутина «(Достоевский. — Т. О.) предвидел, что спасением своим она (Россия. — Т. О.) не воспользуется»?

Я думаю, он подразумевал слова Достоевского, который предвидел, что Россия окажется в плену материалистического социализма, то есть «продукта католического христианства» (20; 190). Достоевский писал в письме к Алексееву: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиной всех бедствий человеческих одно — нищета, борьба за существование, „среда заела“» (29; 1, 85). Распутин, по-моему, лишь резюмирует ряд вышеприведенных и подобных высказываний Достоевского посредством одной краткой фразы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. К ЧЕМУ ОБА ПИСАТЕЛЯ СТРЕМЯТСЯ?

В конце концов, можно сказать, что Достоевский стремился к «полному царству Христа» (24; 127). Это путь к «русскому социализму» (27; 19), который имел целью достигнуть Божье царство на земле, «всесветное единение во имя Христово» (Там же).

«Я не хочу мыслить и жить иначе как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет, будут образованны и развиты, очеловечены и счастливы <...>. С условием 10-й лишь части счастливых я не хочу даже и цивилизации. Я верую в полное царство Христа. Как оно сделается, трудно предугадать, но оно будет. Я верую, что это цар<ство> сов<ершится>» (24; 127). Судя по этим словам, Достоевский был оптимистическим утопистом. А к чему стремится Распутин?

Это «община (особый мир)»: «Община — это целый мир общения с землей, пользования землей, мир отношений между людьми. А что до колхозов, то они, действительно, близки к общине. Но возврат к ней, если он возможен, произойдет лишь на новых основаниях. Время ушло, первоначальная русская община, которой интересовался Маркс, канула в Лету.

В самом деле, это был особый мир: духовность, справедливое распределение земли, общие склады — мангазея — на случай неурожая или несчастий, свои законы, свои суд, свои авторитеты. Я вспоминаю послевоенную деревню в трудное и лихое время. Осиротевшая без мужиков, надорванная нуждой, забитая несправедливостью — подыхай с голоду, но гниющие в поле колоски не трогай, — она противопоставила этому лихолетью общинный дух, всем колхозом (понятие общины как „мира“ тогда уже перешло в „колхоз“), спасая каждую попавшую в беду душу от властей и ретивых до исполнения законов людей. Потребовалось — вспомнилось и отыскалось само собой, будто тут и было, потому что общинность, союзность, товарищество в характере нашего народа, и при благоприятных условиях они приносили и, надо надеяться, принесут еще добрые плоды» (Сибирь. 1991. № 1. С. 9).

И Достоевский и Распутин, развивая мировоззрение русского православия и усмотрев воспитанную православной этикой сущность красоты в русском народе, там нашли путь Спасения. Мышление Распутина, который наследовал традицию Достоевского, более конкретно и действительно в утверждении о необходимости деревень для возрождения истинных крестьян (=христиан).

«В деревне нравствен сам труд, воспитывает сама природа, здесь ближе к Богу. Нельзя, разумеется, идеализировать деревню, разрушения, в том числе и в человеке, здесь немалые. Возвращение к ней во всей полноте прежнего бытия невозможно. Но так выстраивалась веками Россия: силой, предрержащей ее основы, была деревня. И восстанавливать прежде всего нужно ее. Целительно-оздоровительные силы в ней остались, к ним надо лишь обратиться, зная, что мы ищем. Стоя на голове вверх ногами, можно показать акробатическую фигуру. Но жить в таком положении нельзя. Фигура России, ее сословно-составное строение, какие бы наклоны она со временем ни принимала, может быть прочной лишь на том основании, которое подведено под нее исторической судьбой» (Москва. 1995. № 2. С. 5).

Тот мир, к которому стремятся Достоевский и Распутин, общий. Это особый мир православия. Не будет никакого прогресса, если посмеются над таким миром, как над утопией. Но будет поступательное движение человечества, когда мы будем жить с верой в осуществление такого мира. Это, может быть, станет вечным поступательным движением, как написал Короленко в стихотворении в прозе «Огонек». Как написал Тютчев: «В Россию можно только верить».